

О макросоциальном компаративном анализе

Торстендаль Р.

Источник: Цивилизации. Выпуск 2. - М.: Наука, 1993.

История как дисциплина и историческое исследование. Сравнение цивилизаций является отнюдь не простым делом. Сложность состоит в том числе и в неопределенности значения понятия "цивилизация". Культуру какой-либо страны, стиль жизни народа, общие черты, характерные для большей части мира ("Западная цивилизация") — все это можно назвать "цивилизациями". В таком случае цивилизации понимаются прежде всего как образования, имеющие географические границы, в соединении с особенностями этноса и исторического пути развития. Еще один тип значений этого слова относится к уровню сложности культуры: "уровень цивилизаций".

В данной статье мы будем избегать употребления термина "цивилизация" из-за его расплывчатости. Тем не менее, нет никаких сомнений, что это понятие относится к социальным целям на макросоциальном уровне. Таким образом, макросоциальное историческое сравнение покрывает сравнение цивилизаций (с учетом этногеографического аспекта), даже если последнее имеет более широкий характер.

Цель этой статьи - аргументировать возможность изучения сравнительной макросоциальной истории как разновидности исторической социологии. Кроме того, хотелось бы также обсудить вопрос о том, каким могло бы быть значение этой науки, что, следовательно, приближает нас к тем доводам, говорящим в пользу исторической социологии, которые были выдвинуты двумя германскими историками - Гансом-Ульрихом Велером и Юргеном Кокой.

Историческая социология ставит те же теоретические цели, что и обычные исследования по теоретической социологии или политологии, но она имеет свою эмпирическую область применения, ограниченную историческим контекстом.

Прежде всего следует отметить, что сравнение не рассматривается в данной статье как стратегия исследования в собственном смысле слова. Сравнение социальных моделей, структур, государств и исторических процессов должно преследовать цель, идущую дальше эмпирического результата как такового. Сходство и (или) отличие, установленное путем сравнения, — это лишь средство для достижения более общих целей. Иными словами, нет никаких оснований называть такие изыскания социологией, даже в том случае, если можно было бы доказать, что многие исследователи, подвигающиеся в области "реальных" социологических дисциплин, игнорируют это условие. Здесь не место говорить о том, что должно означать слово "социология". Но следует заметить, что существует различие между понятием социологии как теоретической дисциплины и названием факультета социологии во многих университетах, подразумевающего, что работающие там исследователи или преподаватели это ученые-социологи.

Позже нам придется вернуться к рассмотрению условий, необходимых для получения теоретических выводов.

А теперь, оставляя на некоторое время эту проблему, дадим следующее предварительное определение исторической социологии: она должна иметь теоретическое содержание, которое можно проверить тем или иным способом, используя сравнительное исследование.

По-видимому, историки в большей степени, чем социологи, работающие в области компаративного анализа, ощущают, что сравнение социальных общностей включает в себе элемент риска, который редко подвластен контролю. Причина их беспокойства в этом отношении, вероятно, состоит в том, что они привыкли вникать в детали, стремясь сделать свои исследования обоснованными, а детали, взятые из различных социальных контекстов, почти никогда не совпадают друг с другом.

И отсутствие целей теоретического характера и уход от проблем макросоциологии иногда, с точки зрения социологов, воспринимаются как недостатки историков. Р. Коллинз, социолог, отмечает, что работа Э. Уоллерстейна написана не историком, а социологом, ибо историки занимаются эмпирически определенными проблемами и оставляют рефлексию социологам.

Историки часто избегают тех объектов исследования, которые уже определены теоретически или если их выбор объясняется целью улучшить существующие теории. Но неверно, что историческое исследование никогда не бывает теоретическим, и еще менее верно, что история, по определению, должна воздерживаться от теоретических построений - как предлагал Фихте, который оставлял рефлексию философам.

С другой стороны, вследствие того, что эта наука обладает временными перспективами и тенденцией к индивидуализации, историки имеют в своем распоряжении некоторое количество готовых примеров индивидуальных действий, развития и т.д., но не образцы поведения или развития. Это означает, что историк редко может получить на основании работ других историков макросоциальные или стандартизованные объекты, которые пригодны для исследования и обобщения с помощью статистики.

Техника сравнения. Принципы численной обработки исследуемых материалов уже давно разработаны статистиками. Некоторые социологи компенсируют недостаток интереса к социальной детали за счет технических приемов. Для целей социологического исследования были разработаны и усовершенствованы особые статистические методы. Разумеется, цели и нужды развития теории довели над этими статистическими принципами, но для компаративного социологического исследования статистические методы всегда были важны. Сравнение между социальными структурами и социальными группами различных обществ невозможно провести без учета количественных данных и их отношений друг к другу. Данные по демографии, стратификации, социальной мобильности, экономике (производство, потребление, уровень жизни и т.д.) должны быть сгруппированы.

Сравнение означает, что один набор данных соотносится с другим. Такие группы данных могут относиться к различным временным периодам или иметь различное социальное или географическое происхождение. Для того чтобы сделать их сравнение плодотворным, необходимы жесткие правила. В 1950-1960-е годы появилось много учебников, в которых давалась система правил и общепринятых операций обработки статистических данных. Эмпирический оптимизм тех лет зиждился на вере в то, что эмпирическое (статистическое) исследование приведет к созданию всеобъемлющих теорий. Дебаты по поводу социальных целых и индивидуализирующей методике тем не менее показали, что некоторые (например, Э. Геллнер) сознавали сложности, с которыми приходится сталкиваться, соотнося отдельные данные и социальные целые. Но в основном господствующим настроением была уверенность в том, что правильный метод обработки конкретных данных повлечет за собой создание теории макросоциальных явлений.

Когда этот оптимизм был поколеблен в конце 1960-х и в 1970-е годы, эмпирические подсчеты любого типа данных стали встречаться с подозрением.

В системе правил компаративного исследования наиболее важными являются сложные ограничения, относящиеся к сравнению различных групп данных. Каждая страна

устанавливает свои собственные правила для определенного типа данных, которые собираются официально. Еще более существенными являются различия в законодательстве, где иногда дается различное толкование одного и того же понятия, которое используется в разных обществах. Очевидно, что "кадры" и "сотрудники, получающие жалованье", - это родственные термины, но столь же очевидно судя по применению их в соответствующем социальном контексте, - что это не синонимы. Данные, облеченные в лингвистическую форму, и сами языки появляются на почве нормативных традиций, которые в некоторых случаях, посредством законодательных актов, становятся официальными. Применительно к компаративной социологии выводы из философской концепции Витгенштейна было суждено сделать П. Вингу, но его интерпретация являлась весьма спорной. Другое направление англосаксонской лингвофилософии представлено Дж.Л. Остин, которая особое внимание обращала на значение и частоту индивидуальных речевых актов в их социальном контексте. На сегодняшний день так называемый постмодернизм следует этими же путями, но его выводы (частично ложные, по моему мнению) идут гораздо дальше.

Таким образом, техника социологического сравнения не сводится только к хорошо выученному курсу статистики для студентов, но предполагает хорошее знание аналитической семантики, которая оказывается здесь весьма полезной, как и в более сложных случаях.

Уровни исторического сравнения. Сравнение периодов подъема и упадка цивилизаций, подобные тем, которые проводил А. Тойнби, не совсем похожи на сравнения моделей трудовых конфликтов или достижений развитого капитализма в разных странах. Тем не менее имеется ряд трудностей в выборе подходящих уровней и в установлении того, какими расхождениями можно пренебречь.

От выбора уровня анализа, согласно Тилли, зависит то, "какие структуры и процессы являются решающими". Не входя в подробности, он утверждает, что существует четыре уровня: всемирно-исторический, уровень мировых систем, макроисторический и микроисторический. Три уровня из четырех так или иначе именуется "историческими". Никаких аргументов в пользу этого интересного вывода у Тилли не представлено. К всемирно-историческому уровню Тилли относит анализ трансформаций, связи и последовательности мировых систем. Он утверждает, что обобщения, касающиеся таких социальных феноменов, как урбанизация, индустриализация, накопление капитала или секуляризация, "вероятно, получают окончательное решение в процессе движения от одной мировой системы к другой".

Последнее из упомянутых замечаний Тилли интересно, хотя оно относится к уровню, имеющему такую степень всеобщности, когда невозможны общие выводы.

Следующий уровень - мировых систем. Большие сообщества и системы, которые определяются через отношения принуждения и (или) обмена, действуют на том уровне как значимые единицы. На основании того что Тилли говорит об этом уровне, представляется, что он не хочет принимать во внимание какие-либо другие отношения, кроме обмена или принуждения. По мнению Тилли, производство, распределение и субординация - это термины, которые обозначают характер отношений на данном уровне. Предлагаемое Тилли теоретическое определение слишком схематично, чтобы создать надежную основу для теоретического "уровня анализа".

Уровень макроисторического анализа, с точки зрения Тилли, представляет собой "основу истории, как традиционно считают историки". Как определение особенностей данного уровня, это очень расплывчато. Каких историков имеет в виду Тилли? Политологов, принимающих решение в отдельном политическом кризисе? Или политологов, занимающихся парламентскими делами? Или социологов, анализирующих структуру власти в пределах тренд-юнионов? Или историков-экономистов, изучающих рост производства и его трансформации на материале деятельности одной фирмы? Это лишь

некоторые из позиций, на которых твердо стоят рядовые историки. Вывод, который можно сделать на основании таких примеров, плохо согласуется, однако, с ключевыми понятиями, которыми пользуется Тилли, говоря о процессах, анализируемых на этом уровне: пролетаризация, урбанизация, накопление капитала, создание государства и бюрократизация. Эти процессы сами по себе могут служить объектом для эффективного исследования, ибо могут быть сопоставлены с точки зрения сходства и различий с разными общностями, процессами и комбинациями тех и других.

Что касается микроисторического анализа, то он занимается индивидуумами, группами и отношениями между ними. Процессы на этом уровне представляют собой трансформации взаимодействий между людьми, которые образуют эти связи. Тилли дает следующий пример, подтверждающий важность исследований на этом уровне: модель отношений между капиталистами и отдельными трудящимися проявляется в контексте более широких процессов пролетаризации и концентрации капитала.

Определение четырех уровней анализа, предложенное Тилли, как мне кажется, не обосновано как следует ни теоретически, ни практически. Он начинает с важного наблюдения о том, что существуют различия между уровнями социальных сравнений. Эти уровни представлены таким образом, что их легко соотнести с суперсистемными, системными и отдельными объектами анализа, но нет никакой четкой разграничительной линии между объектами изучения и теоретическими агентами (а также онтологией социальных теорий).

В конечном счете это происходит из-за того, что обобщение является единственным видом теоретической деятельности, полностью признаваемым Тилли.

Далее нужно отметить, что "историческое" играет большую роль в обозначении уровней, но временные перспективы не имеют никакого другого значения в аргументации Тилли, кроме его постоянных ссылок на процессы. Если все, относящееся к процессам, исторично, являются ли тогда все социологи, занимающиеся изучением процессов, историками? Тилли не проводит никакого различия между исследованием социальных явлений, сложных и связанных временной последовательностью (процессы в общем смысле), и социальными явлениями, происходящими в конкретном месте и времени (например, периоды в истории Германии). В исторических работах, очевидно, не следует заниматься изучением процессов, и все, относящееся к ним, не обязательно исторично - в смысле приписывания им особого временного и пространственного единства.

Сравнение заслуживает название "исторического", если сравниваются события или процессы, расположенные во времени и пространстве. Любой социальный контекст представляет специфические средства и возможности. Аристократы, спасавшиеся бегством от Французской революции, не могли улететь на самолете или уехать поездом. Люди были ограничены возможностями своего времени. Имеющиеся в их распоряжении возможности не были одинаковыми в разных местах в одно и то же время. Инки не могли отстреливаться от испанцев. Историческое сравнение предполагает не только точное определение особенностей времени и места, но также оно должно учитывать (или заключать в себе) исторически предопределенные средства и возможности. Тилли не упоминает об этих сложностях.

Легко согласиться с Тилли, что должен существовать некий тип измерения социальной сложности, присущий уровням и, при более углубленном анализе, делающий сравнения между уровнями невозможным или, по крайней мере, трудно осуществимым. Итак, поскольку важно не выходить за рамки одного уровня, проводя социальное сравнение, трудно определить, какие характеристики одного уровня контрастируют с характеристиками других уровней.

Другим видом измерения является "всеобщность". Очень важно при сравнениях явлений разной социальной природы ясно указать, намереваетесь ли Вы сравнивать: 1) отдельные

явления или процессы; 2) классы явлений или процессов друг с другом. Если имеется в виду последнее, то существует также разница между: 2а) классами явлений или процессов, ограниченных эмпирически и по происхождению; 2б) классами явлений или процессов, имеющих систематический характер. Исторические сравнения могут принадлежать ко всем этим видам, но только сравнения отдельных явлений или процессов должно считать историческими.

Оба измерения - социальной сложности и всеобщности - являются ценными для всех сравнений. Исторические сравнения, как подкласс сравнений, должны обладать идентичностью в этих измерениях. То, какие позиции занимают исторические сравнения в координатной системе этих измерений, зависит только от вопросов, поставленных в исследовании. Здесь нет никакого принуждения. Верно, что история направлена на индивидуализацию в том смысле, что она представляет свои данные, определяемые во времени и пространстве. Но верно и то, что обобщения тоже можно локализовать во времени и в пространстве.

Таким образом, есть причина согласиться с Тилли в его основополагающем тезисе, что исторические сравнения могут иметь совершенно разный масштаб.

Цели исторического сравнения. Если верно, что от цели и проблем исследования зависит, на каком уровне всеобщности и сложности следует осуществлять конкретное сравнение, то очевидно, что должно быть изучено само искусство задавать вопросы. Имеются ли какие-нибудь правила, определяющие постановку вопросов?

Такие нормативные правила имеют долгую традицию в общественной жизни, но наука гордилась тем, что пренебрегала ими. В науке постановка проблемы должна быть свободной - это краеугольный камень "современной" университетской науки приблизительно с 1800 г. С другой стороны, стало традицией рассматривать исторические проблемы как социально решаемые, по крайней мере в общественных науках. Даже если тезис о большой общей зависимости науки от социальных факторов стал менее модным, чем он был ранее, большинство исследователей в области общественных наук все-таки стремятся выявить социальную зависимость в своей объяснительной системе. Однако эта зависимость может охватывать множество различных явлений, не подлежащих исследованию в данной статье. И будет достаточно заметить по этому поводу, что "интерес" не самоочевидно является независимым направляющим фактором постановки вопросов в науке.

Систематизацию сравнения у Тилли следует снова использовать как отправную точку. Тилли признает два измерения для целей сравнений роль моментов и разнообразие форм. Первое измерение необходимо для того, чтобы показать вариации единичного и общего, второе единичного и составного. В пределах поля, определяемого этими двумя измерениями, Тилли выделяет четыре главных класса сравнений.

Детализирующее сравнение рассматривает только один момент и одну единичную форму. Считается, что сравнение в этом случае позволяет понять особенности рассматриваемых случаев. Каждый случай (предпочтительно сравнение двух) представлен в своей специфике в сравнении с другим. Подразумевается, что они контрастны.

Сравнение, направленное на поиск отклонения, предполагает классификацию некоторого количества явлений. Это сравнение расположено на полюсе многообразия в измерении разнообразия форм и на полюсе примеров совокупности в измерении. Исследование систематических различий между явлениями вряд ли можно осуществить без учета школы отклонений, и его цель заключается в поиске объяснительной системы для отклонений в определенных явлениях, которые считаются важными и чья вариантность требует объяснения. Кроме этих двух противоположных типов сравнения Тилли также признает универсализирующие и дифференцирующие сравнения. Универсализирующее сравнение характеризуется "всеобщностью" примеров и "единичностью" позиции в

разнообразии форм. "Оно преследует цель установить, что каждый момент явления следует по существу одному и тому же правилу". В качестве примера берутся теории экономического роста, определяющие стадии, через которые должна пройти в процессе индустриализации страна.

Именно эти важные характеристики сравнений были отмечены Тилли. Сравнения зависят от их целей, и существует важная корреляция между характером цели, которую ставит исследователь, и видом сравнения, который в этом случае уместен. Таким образом, оказывается, что нет никакой общей методологии сравнений. Однако, рискуя нарушить четкую схему, которая следует из рассуждений Тилли, я сомневаюсь, что его четыре поля исчерпывают все возможности для сравнений.

Если мы примем во внимание измерения сложности и всеобщности, а также возможность проводить исторические сравнения, то станет очевидным, что интересующих нас типов сравнения насчитывается гораздо больше четырех. Внеисторические и исторические сравнения различных уровней сложности (видимо, следует выделить по крайней мере три таких уровня) создают шесть типов сравнений и даже больше, если каждый тип может изменяться относительно уровня всеобщности.

Это, вероятно, не совсем то, чего хотел Тилли, когда он устанавливал четыре типа сравнений в своей схеме. Область, покрываемая этой схемой, не соответствует широте исторического сравнения. На это различие необходимо указать, но самое важное то, что Тилли показывает, что "поиск отклонения" является только одной из нескольких целей сравнения в социологии.

Макросоциальное сравнение в исторических контекстах. Под макросоциальным я понимаю нечто, соединяющее в себе некоторые черты суперсистемного, системного и макроисторического уровней, выделенных Тилли. Макроисторические сравнения - а сравнение цивилизаций, конечно, должно быть макросоциальным - часто имеют дело исключительно с процессами, которые происходят в рамках макроисторической сферы, такими, как индустриализация, бюрократизация и т.д. Фундаментальной характеристикой, однако, является то, что такие процессы затрагивают жизненно важную часть общества как целого. Конкретно это означает, что, например, индустриализация рассматривается как основная характеристика социального развития в Британии, или во Франции, или в Германии, или в Швеции и что она может также быть взята как основная характеристика более широкого сообщества стран Западной Европы.

Следует подчеркнуть, что процесс индустриализации в этом случае рассматривается в контексте каждого общества и, кроме того, отдельно, как нечто, требующее собственной концептуализации. Как "характеристика" это, однако, только часть структуры общества.

Микросоциальный анализ в большой степени зависит от теоретических предпосылок. Возможно, стоит сравнить развитие индустриализации, с одной стороны, и общественного благосостояния - с другой, в Англии, Франции и Германии, для того чтобы сказать нечто сопоставительное об обществах; это может привести к заключению, что три страны образовали, несмотря на политическую враждебность в определенные периоды, неформальное сообщество, где информация распространялась довольно свободно и сходство увеличивалось. Этот пример иллюстративен, и его не следует переоценивать. Он представляет собой, однако, предположение, которое необходимо для макросоциального сравнения: определенные "характеристики" анализируются, чтобы сформировать основу для сравнения структур следующего порядка, а эти структуры также возможно рассматривать, как формирующие другие, еще более высокого разряда.

Макросоциальные сравнения не совсем подходят к формам и целям сравнений, выделенных Тилли. По-видимому, они едва ли являются индивидуализирующими, так как у них нет обязательной цели указать индивидуальные особенности двух или трех

явлений и они не направлены на выявление отклонения в любом конкретном смысле, так как ограничиваются просто рассмотрением пары явлений.

Основная характеристика этих макросоциальных сравнений, как мне кажется, заключается в том, что они соединяют различные уровни анализа (посредством логических связей).

Это значит, что достаточно обычный анализ процессов, направленный на "поиск отклонения", может соединяться с менее обычным сравнением обществ как целых. Сравнение обществ как целых, конечно, зависит от анализа составляющих характеристик.

Позвольте закончить эту статью изложением доводов в пользу макросоциального сравнения (в том смысле, который я попытался уточнить).

Во-первых, несколько слов о логической связи. Было бы совершенно ошибочно думать, что "характеристики" или ряд "характеристик" позволили бы составить полное представление о той структуре, которую они характеризуют. Здесь происходит то же самое, что и в хорошо известном случае так называемого "операционализма", и длительные дебаты по этому поводу должны были показать, что, без сомнения, невозможно исчерпать значение теоретических концепций эмпирическими "первичными фактами", и в таком случае я игнорирую сложности любого понятия о "первичных фактах", или как бы они еще ни назывались. "Характеристики", возможно, рассматриваются как необходимые условия в логическом смысле, но, как всегда, невозможно сделать вывод о существовании А, только исходя из необходимых для него условий, а, наоборот, необходимые условия выводятся из А. Возможно, что "характеристики" связаны со структурами, которые они характеризуют, даже более слабыми логическими связями, а в этом случае основание вывода также слабо.

Это означает, что существование логической связи не исключает наличия дополнительной информации в понятии более высокого порядка. "Общество" может означать больше, чем простую совокупность "индустриализации", "бюрократизации", "демократизации" и подобных понятий о процессах и состоянии дел.

Мой второй аргумент касается содержания макросоциального сравнения и анализа, основанного на таком сравнении. Консенсус по поводу значения многих понятий, используемых для характеристики таких структур высокого порядка, как общество и государство, отсутствует. Невозможно сравнивать государства и общества непосредственно на основе вторичных источников, подход к понятиям "государство" и "общество" будет в них разным.

Однако можно провести сравнение обществ и государств в соответствии с собственной терминологией, взятой из литературы, касающейся явлений, связанных с одним типом процесса или различными процессами. Такое исследование должно, следовательно, проводиться на материале различных обществ. Это можно сделать в сочетании с любым исследованием первичных источников, которые исследователь сочтет необходимыми. Это трудный путь, так как на протяжении всей работы нужно переводить большое количество терминов.

В заключение хотелось бы сказать, что макросоциальное историческое сравнение является и осуществимым и информативным. Оно не обязательно поднимается до "системного" и "суперсистемного" уровня. Такое сравнение, однако, дает выводы, выходящие за пределы "нормального" уровня, и в этом его ценность: оно намечает тенденции в развитии обществ как целых относительно друг друга.